

RU

Случаи вторичной идеологизации номинаций советского периода

Мамонова Ю. О.

Аннотация. В данной статье рассматриваются случаи недавнего использования советизмов в живой речи россиян. Цель исследования - выявить особенности процесса вторичной идеологизации советских номинаций. Научная новизна работы заключается в описании активных лексико-семантических процессов в группе «уходящей» лексики эпохи СССР на примере анализа фактов современного употребления номинаций советского периода с ядерным компонентом «колхоз». В результате исследования было определено, что насмешливое и ироничное отношение к реалиям советской действительности заполнило ту семантическую лакуну, которая образовалась в языковом сознании сегодняшних молодых людей в связи с утратой денотативного содержания номинаций советского времени.

EN

Secondary Ideologization of the Soviet Nominations

Mamonova Yu. O.

Abstract. The article examines Sovietisms usage in the living Russian speech. The paper reveals the process of secondary ideologization of the Soviet nominations. Scientific originality of the study lies in the fact that the author describes impetuous lexico-semantic transformations of outdated Sovietisms by the example of the Soviet nominations with the nuclear component 'колхоз' (collective farm). As a result, it is shown that sarcastic and ironical attitude to the Soviet realia serves to fill semantic lacuna in young people's linguistic consciousness due to loss of denotative meaning of the Soviet nominations.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена происходящими на наших глазах изменениями в семантике и прагматике слов и их устойчивых сочетаний советского периода. Фиксация и последующий анализ интересных словоупотреблений были и остаются наиболее актуальной задачей лингвистики. Это вызвано необходимостью изучения подвижного характера лексико-фразеологического запаса русского языка, обусловленного историко-культурными факторами. Поэтому вопрос о лексико-семантических процессах внутри класса «уходящей» советской лексики представляет интерес не только с точки зрения лексикографии и лексикологии, но и таких наук, как социология и психология личности.

С целью выявления основных особенностей процесса вторичной идеологизации советизмов нами были поставлены следующие задачи:

- 1) рассмотреть соотношение понятий *деидеологизация* и *вторичная идеологизация*;
- 2) описать случай использования советизма *колхозница* в живой речи современных россиян и определить особенности функционирования рассматриваемой номинации внутри коммуникативной ситуации;
- 3) сравнить советское и современное употребление наименований лиц женского пола, образованных по аналогичной деривационной модели;
- 4) выявить механизмы лексико-семантических трансформаций в структуре группы советизмов с ядерным компонентом *колхоз*.

Для всестороннего осмысления феномена вторичной идеологизации советизмов были использованы следующие методы: метод наблюдения за живой речью россиян, общенаучные методы синтеза и анализа (на этапе сбора исследуемого материала и его систематизации). Кроме того, мы опирались на сравнительно-сопоставительный метод при сопоставлении деактуализированной лексики в словарях разного времени создания с целью выявления изменений в осмыслении семантики и прагматики советизмов различными поколениями носителей русского языка. С помощью контекстуального и дефиниционного анализа нам удалось выявить специфику смысловой структуры употребленных в речи отдельных значений (семем).

За последние десятилетия научные изыскания отечественных учёных в области лексикологии и семантики характеризуются неугасающим интересом к вопросу о судьбе советизмов. Теоретической базой исследования послужили работы отечественных ученых Э. В. Будаева и А. П. Чудинова [4], Н. С. Валгиной [5], Е. А. Земской [9], Н. А. Купиной [10], В. М. Мокиенко [17], посвященные описанию и фиксации глобальных изменений в лексике конца прошлого столетия. Кроме того, учитывались работы О. В. Загоровской [8], Г. Н. Скляревской [16], Г. М. Шипицыной, Ю. О. Мамоновой [18; 19], отражающие различные аспекты реагирования лексико-семантической системы языка на изменения ее бытования в социальной среде. Важным аспектом исследования явилась утрата языковой единицей идеологического компонента смысла, нашедшая отражение в трудах А. Д. Дуличенко [6] и О. П. Ермаковой [7]. Многоаспектность подходов к изучению феномена уходящей лексики советского периода позволила углубиться в языковую суть данного уникального явления истории и культуры нашей страны. Несмотря на обилие разработок в области лингвистической советологии, нам только предстоит приблизиться к пониманию его историко-лингвистической и социокультурной природы, осознать последствия перехода крупных лексических массивов из активного словаря в пассивный.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов для более глубокого осмысления актуальных проблем лексикологии, фразеологии, лексикографии и семантики в процессе преподавания и изучения этих предметов в учебных заведениях. Это также может способствовать развитию междисциплинарных научных связей и укреплению сотрудничества лингвистов, социологов и психологов.

Процесс вторичной идеологизации как источник новой жизни советизмов

Рассуждая о важности использования советизмов в речевом обиходе, необходимо отметить, что они играли основополагающую роль в вопросе культурной и политической идентичности граждан СССР. В этом отношении нельзя не согласиться с метким высказыванием В. Д. Бондалетова, который отмечал, что язык есть «один из наиболее ярких и полных выразителей самосознания народа» [3, с. 120]. На рубеже XX-XXI веков актуальные в социалистическом обществе идеологически нагруженные слова или их отдельные лексико-семантические варианты деидеологизируются, перестают выполнять свою прямую функцию и становятся ненужными, превращаясь в некие «языковые атавизмы», лишённые внутреннего содержания. Вслед за О. П. Ермаковой мы выделяем деидеологизацию в качестве самостоятельного лексического процесса и определяем его как освобождение «значений некоторых слов от идеологических смысловых приращений» [7, с. 36]. Вместе с тем в наше время в лексико-семантической структуре советских номинаций можно наблюдать обратный процесс – вторичную идеологизацию, когда слово наполняется современным коннотативным содержанием. Этот процесс происходит не во всех советизмах. Говорить о процессе вторичной идеологизации можно лишь тогда, когда лексическая единица обладает наибольшим прагматическим потенциалом для развития новых семантических связей. Появление неодобрительной, ироничной эмоциональной окраски возможно у слов и устойчивых сочетаний, ранее имевших сильную идеологическую коннотацию. Советский идеологический компонент здесь заменяется антисоветской коннотацией, соответствующей реалиям современности. Жизненный цикл множества слов, относящихся к советскому идеологическому коду и называющих политические и социальные явления недавнего прошлого, постепенно завершается сужением их семантического наполнения, приводя к «обеднению» их значения за счет утраты идеологического компонента. Вместе с тем наиболее значимые идеологемы подверглись процессу вторичной идеологизации, получив новое коннотативное наполнение, нарочито пренебрежительное. Такова судьба многих политически окрашенных советских лексем и устойчивых сочетаний, таких как *партия, съезд, сталинец, ленинец, пятилетка, генеральный секретарь, ударник коммунистического труда, доблестный работник прилавка, классовая борьба, стахановский труд, большевистский, доблестный* («доблестные работники прилавка»), *заветы Ильича, завоевания Октября, коммунистическое завтра, народный избранник, пламенный патриот, светлое будущее, слуга народа, товарищ* (как основное обращение к собеседнику) и т.д. Массовый процесс десоветизации нашел отражение в исследованиях зарубежных ученых [20; 21]. Так, Марина Кобб справедливо отмечала, что «даже несмотря на то, что люди не хотят использовать старые бюрократические клише, подходящих альтернатив иногда просто не существует, и нужно время, чтобы их придумать» [21, р. 20]. Тем не менее в действительности советская лексика продолжала существовать, лишившись своей патетики и перейдя из сферы официального бюрократического языка в публицистику и разговорную среду. В 90-е гг. прошлого столетия было в какой-то степени «модным» использовать советизмы для выражения эмоционально-экспрессивной субъективной оценки. Становясь частью языковой игры, единицы советского идеологического кода намеренно использовались журналистами недавнего прошлого в искаженном виде. Для иллюстрации приведем лишь один пример саркастичного отношения к советскому строю, обнаруженный нами на просторах сайта «Абсурдопедия»: в некоторых контекстах с повышенной экспрессивностью слово *сталинцы* было намеренно изменено (буква «т» заменена на «р»): *Когда старые бывшевики и... в политбюре слегка повымерли, стали возможны прогрессивные перемены, в частности, Катастрофа* [1].

Советизмы в современном употреблении

Факт существования советизмов в ментально-языковой картине мира современного российского народа невозможно игнорировать. Очевидно, что номинации реалий социалистической действительности, утратив

прагматическую часть в периферии своей смысловой структуры и в связи с этим видоизменив свое значение и возможности смыслового варьирования, остаются востребованными и активно используются не только в речи политиков, но и в средствах массовой информации. К примеру, прилагательное *заокеанский*, отмеченное в Толковом словаре под редакцией Г. Н. Складневской как уходящее [16], сегодня можно услышать в выпуске новостей в виде следующих атрибутивных словосочетаний: *заокеанская карьера*, *заокеанский вояж*, *заокеанский специалист*. Несомненно, этот случай является прекрасным образцом возвращения слова в активный словарь. Конечно, оно уже не обладает прежним советским семантико-коннотативным наполнением, но частично сохраняет его. В свете вышесказанного интерес вызывает функционирование советизмов (как целых лексем, так и их отдельных семем) в речи современных носителей русского языка. Рассмотрим пример из живой речи россиян, который, по нашему мнению, представляет собой великолепную иллюстрацию структурно-семантических изменений внутри обширного класса советской политической лексики. Не так давно в сети Интернет на популярном видеохостинге [13] появилась запись диалога, произошедшего в сетевом продуктовом магазине. Приведем стенограмму разговора (К. – кассир, женщина, 25-35 лет; П. – покупатель, женщина, 20-30 лет):

К.: Колхозница?

П.: Что вы сказали?

К.: Колхозница, спрашиваю?

П.: Я? Бизнесвумен, блогер, коуч, актриса!.. А вы?

К.: Я кассир.

П.: Ну и кто тут из нас колхозница?

К.: Дыня «Колхозница», сорт такой! На верхней полке взяли?

П.: [в замешательстве, смотря на дыню] А, так называется? Да, на верхней полке...

Несомненно, что вышеописанная речевая ситуация типична для нашего времени и указывает на социально-экономическую дифференциацию в российском обществе. Немаловажно и показательно, что диалог был задокументирован с помощью камеры мобильного телефона и представлен вниманию широкой общественности. Интерес представляет употребление советизма *колхозница*. Вполне естественным представляется и тот факт, что молодые люди в возрасте 20-25 лет не обладают тем же объемом лексики, что их родители, заставшие закат социалистической эпохи. Такие подробности, как, например, название сорта дыни – «Колхозница», – постепенно ускользают и стираются. Между тем это название сохранило большую часть своей семантики, поскольку было образовано путем омонимизации от слова *колхозница*. Обобщенное наименование тружениц колхозных полей дало жизнь новому слову, до сих пор сохранившемуся в языке практически в неизменном виде. Эти семантические связи отсутствуют в языковой картине мира среднестатистического городского жителя, который, машинально выбирая на полке магазина дыню, не задумывается о ее сорте и о том, почему сорт называется именно так, а не иначе. В то же время благодаря процессу вторичной идеологизации семема *колхозница-1* сохранилась в языковом сознании русскоговорящих людей, хотя и претерпела существенные изменения в смысловой структуре. Причины недопонимания, возникшего у участников приведенного нами разговора, лежат в области типов языковой личности каждого коммуниканта. Нежелательный комический эффект создается из-за отсутствия у одного из участников коммуникации определенных фоновых знаний. Комичность ситуации усиливается тем, что обе девушки одного поколения, так как они примерно одной возрастной группы, но принадлежат к разным социальным слоям. В данной ситуации естественным образом возникает дихотомия современного (*блогер, коуч, актриса*) и устаревшего (*колхозница*).

Коннотативные изменения в смысловой структуре номинаций лиц женского пола с суффиксом *-ница-*

Семантическим ядром слова *колхозница* является мотивирующее существительное *колхоз*. Существительное *колхозница* называет лицо женского пола, образовано путём суффиксации от названия соответствующего лица мужского пола: *колхозник* – «член колхоза» [14; 15]. Эта деривационная модель является продуктивной, суффикс *-ница-* указывает на родовую принадлежность: *писатель* → *писательница*, *учитель* → *учительница*, *исполнитель* → *исполнительница* и др., при этом отмечается стилистически сниженный, разговорный характер таких номинаций [11]. В годы советской власти слово *колхозница* совсем не имело сниженной стилистической окраски, а было диаметрально противоположно по значению. Колхозницами называли трудящихся в колхозах женщин. Носить такое «звание» было почетно, поскольку труд на благо Родины поощрялся и приветствовался. В Советском Союзе уже до начала Великой Отечественной войны женщины трудились наравне с мужчинами. Советская женщина была активно вовлечена в экономическую жизнь государства:

В сельском хозяйстве исключительно большую роль играют женщины – наши славные колхозницы – работницы МТС и совхозов (из выступлений Н. С. Хрущева) [15, с. 1201].

Пользуясь правом на труд и самореализацию, женщины в СССР удостоивались наград за трудовые подвиги, становились победительницами социалистических соревнований, служили примером для всего советского народа. Уместно в этой связи упомянуть знаменитый на весь мир памятник «Рабочий и колхозница» скульптора Веры Мухиной, который воплощает идеал советского человека, являясь одновременно квинтэссенцией коммунистического символизма. Восторженно-возвышенный коннотативный ореол можно обнаружить и в других номинациях лиц женского пола, например *учительница* или *писательница*. В основе положительного семантического наполнения этих слов лежит, вне сомнения, формирование уважительного отношения к советской

женщине, взявшей на себя половину мужских обязанностей и вынужденной быть не только матерью и хозяйкой, но и профессионалом, занятым общественной работой. Приведем несколько примеров из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [12]:

В рядах лучших агитаторов – Екатерина Дмитриевна Кононова, учительница Поречской школы (А. Шишова, П. Сназинов. По новому курсу // «За коммунистический труд» (Калязинский р-н Калининской обл.), 1962).

И вот заходит в контору коммунист – учительница Евгения Даниловна Капура (М. Мацель. В общем строю (1966) // «Сельская газета», 1966.10.22).

И тогда немолодая учительница истории Лидия Петровна – общественница и хлопотунья – вспомнила, что на четвертом этаже живет научный работник Хромосомов (Р. Яров. Вторая стадия // «Химия и жизнь», 1967).

Я не боюсь жизни и правды. – Писательница, – он почтительно приподымает шляпу. – Я уважаю женщин, которые имеют профессию (А. М. Коллонтай. Большая любовь, 1927).

Она писательница, у нее есть своя собственная понедельничная газета (Елизавета Скобцова (Кузьмина-Караваева). Жуткое, 1926).

Была писательница Марко Вовчок, талантливая романистка и общественная деятельница, подписывалась «Вергежский»; талантливая поэтесса подписывает свои критические статьи «Антон Крайний» (Н. А. Тэффи. Моя летопись, 1929).

С. В. Ковалевская – выдающийся ученый-математик второй половины XIX века, талантливая писательница и общественный деятель (Г. Ф. Молчанов. Софья Васильевна Ковалевская // «Наука и жизнь», 1950).

Восстанавливая правдивую картину недавнего прошлого, писательница помогает трудящимся Чехословакии вернее и глубже понять великое значение тех перемен, которые происходят на их родине сегодня (М. Черневич. Книги о новой жизни // «Крестьянка», 1955).

Анализируя судьбу вышеназванных номинаций в современном русском языке, можно ясно увидеть разницу в коннотации по сравнению с советским употреблением. «Учительница первая моя» постепенно превратилась в уважительное *учитель* (а в некоторых случаях пренебрежительное *учителка*), ласковое *писательница* в серьезное *писатель*. В современных словоупотреблениях прослеживается подчеркнуто сниженный разговорный характер номинаций лиц женского пола с суффиксом *-ниц-* (далее – примеры из НКРЯ) [Там же]:

Опять ты как школьная учительница ходишь с линейкой и прикладываешь – тут короче принципа, тут уже, а тут так грязно и темно, что делений не видно (Елена Съянова. Лей – обольститель немецкого рабочего класса // «Знание – сила», 2005).

Учительница по хору пила тройной одеколон перед каждым занятием и после определенной порции почти всех детей считала талантливыми (Маша Трауб. Плохая мать, 2010).

Рисовалка? – Учительница по рисованию. – Вы ее так называете? (Денис Гуцко. Тварец, 2011).

Хотя сначала лучше прочитать самим – Букиша сегодня реально модная писательница (Книги (2004) // «Твой курс» (приложение к «Аргументам и фактам»), 2004.11.10).

Дескать, писатель – это серьезно, писательница – второй сорт... (Владимир Иваницкий. Поэтесса // «Знание – сила», 2008).

Лексико-семантические процессы в смысловой структуре советизмов с компонентом 'колхоз'

Судьба слова *колхозница* немного иная. Это подлинно советская номинация, возникшая в эпоху зарождения коллективных крестьянских хозяйств. На исходе советской эпохи идеологическая семантика советизма *колхозница* начала постепенно угасать на фоне вырождения колхозов, ставших пережитком прошлого. Процесс деидеологизации сопровождался утратой денотативного содержания, что привело к образованию семантических лакун в смысловой структуре слова. В соответствии с общей тенденцией к иронизации и снятию идеологически мотивированных компонентов значения (деидеологизация) эти лакуны были заполнены новым, капиталистическим содержанием. Так, появление ярко выраженного оттенка насмешки наблюдается на периферии смысловой структуры слова *колхоз*, поскольку именно оно содержало ядерный компонент значения.

В Большом академическом словаре (БАС) находим следующее значение слова *колхоз* – «добровольное объединение трудящихся крестьян для совместного ведения коллективным трудом крупного, высокомеханизированного сельскохозяйственного производства на социалистических началах» [15, с. 1200]. Особый интерес представляют определения, характеризующие процесс колхозного производства: *крупное, высокомеханизированное, на социалистических началах*. Именно эти элементы привносят в структуру слова идеолого-оценочные семы: *крупный, высокий, социалистический*. Эти компоненты значения обладают положительной оценочностью. Колхоз представляется передовым объединением, применяющим исключительно прогрессивные «высокомеханизированные» методы производства по сравнению со старыми крестьянскими хозяйствами. Сравним дефиницию из Малого академического словаря (МАС), гораздо более сдержанную: *колхоз* – «коллективное хозяйство (кооперативное добровольное объединение крестьян для совместного ведения крупного социалистического сельскохозяйственного производства на основе общественных средств производства и коллективного труда)» [14, с. 78]. Выдержки из речей советских политиков, газетные статьи и государственные телевизионные программы изобилуют официозной патетикой:

Легкая и пищевая промышленность СССР способна удовлетворять растущие потребности трудящихся города и деревни. Наши совхозы и колхозы, обеспеченные современной передовой техникой, имеют возможность

быстрыми темпами повышать урожайность всех сельскохозяйственных культур и продуктивность общественного животноводства (50 лет КПСС) [15, с. 1200].

Есть большой смысл в том, что на горшихинской земле сегодня живет и работает колхоз-миллионер, колхоз-школа, куда приезжают учиться сельскохозяйственному опыту и умению работать крестьяне и профессора (И. Рябов, «Годы и люди») [Там же].

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что, наряду с официальной, идеологической точкой зрения на «добровольные объединения крестьян», бытовала и псевдонародная, которая отражается в пословицах, возникших в эпоху существования колхозов: *Хлеб дает нам не Христос, а машина и колхоз; Работать вместе радостно, жить в колхозе сладостно [17, с. 255].* В эпоху формирования коллективных хозяйств (так называемой «коллективизации») остро стояла необходимость формирования уважительного отношения крестьян к совместному труду «на социалистических началах». Убедить людей работать за трудодни было нелегкой задачей, поэтому использовались наиболее доступные для простого человека формы агитации – лозунги, стилизованные под народные пословицы. Таких «артефактов» в советском политическом дискурсе можно обнаружить множество. Примечательно, что нынешнее поколение молодых людей уже не помнит и не знает этих советских пословиц. Их важность утратила силу после распада СССР и закрытия коллективных хозяйств. С точки зрения современного российского гражданина, имеющего в своей ментально-языковой картине мира скорее негативное отношение к этой реалии советской действительности, пословицы эти звучат не столько иронично, сколько печально.

Современные толковые словари уже не фиксируют советских идеолого-коннотативных приращений. В Большом толковом словаре Кузнецова читаем: *колхоз-1* – «коллективное хозяйство (кооперативное объединение крестьян для совместного ведения крупного сельскохозяйственного производства)» [2]. В российском информационном пространстве наблюдается критическое отношение к феномену советских коллективных хозяйств, что можно проследить в следующих примерах (из НКРЯ) [12]:

Но недолго музыка играла, началась коллективизация – все ушло в колхоз, все там и пропало (Зинаида Синявская. Пазлы // «Сибирские огни», 2013).

Однако, с другой стороны, в общем единомыслии тоже нет ничего хорошего: это колхоз, барак и совок! (Алексей Иванов. Комьюнити, 2012).

Аналогичные динамические процессы прослеживаются во всех производных словах: *колхозный, колхозник, колхозница*. Всего за несколько лет судьба этих слов кардинально изменилась, что можно проследить, сравнив примеры словоупотреблений в контексте советской эпохи и времени рубежа XX-XXI вв. Вот некоторые примеры словоупотреблений из НКРЯ [Там же]:

Активно трудится рядовой колхозник деревни Трофимовская Николай Гусев (На вахте – молодежь // «Вперед» (Калязинский р-н Калининской обл.), 1968).

Каждый колхозник должен самоотверженным трудом своим откликнуться на исторические решения Пленума (Борис Можяев. Живой, 1964-1965).

Тот же Ладен, он отнюдь не колхозник-лапоть: и вышка, и мастер арабской словесности и риторики (nick – Алексей Воеводин. Форум: Утро, 2011).

Тогда в Одессу мог приехать любой колхозник, а сейчас только относительно обеспеченный человек (Бахтияр Эхмедханов, Наталья Львова. Ясный перец // «Однако», 2009).

Как видно из приведенных выше примеров, в смысловой структуре слова *колхозник* прослеживаются существенные коннотативные изменения, связанные с трансформацией общественного отношения к номинируемой реалии. В ментальном сознании русскоговорящих людей обозначился переход от положительной идеологически мотивированной коннотации к пренебрежительной. Воспевание «доблестного труда на колхозных полях» перестало быть необходимостью, угасли коллективные хозяйства, утратилось советское отношение к «самоотверженному труду». Новая рыночная экономика обозначила новые тенденции в жизни россиян, товарно-денежные отношения, получение прибыли стали приобретать статус общественной ценности. Бедность и малограмотность простых людей, трудившихся в годы советской власти в колхозах, стали вызывать насмешки. *Колхозниками и колхозницами* начали иронически называть людей, образ жизни которых в последнее десятилетие прошлого века перестал соответствовать «рыночным» стандартам.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. В русском языке еще не завершены и продолжают активно происходить лексико-семантические изменения, связанные с усилением негативно-оценочных компонентов внутри класса советской лексики. Их следует рассматривать в диахроническом аспекте, прибегая к использованию толковых словарей советского времени. Такая методика позволяет проследить, как под воздействием стремительно меняющейся социально-политической ситуации происходят два разнонаправленных процесса – вначале утрата части семантики слова, а затем наполнение новым коннотативным содержанием. Поэтому важно дифференцировать понятия деидеологизации и последующей вторичной идеологизации, которые мы склонны считать стадиями одного процесса.

В рамках данной статьи нами был описан случай современного употребления советизма *колхозница* в контексте бытовой речевой ситуации. По нашему мнению, анализируемый факт использования советизма представляет несомненный интерес, поскольку вызвал довольно широкий общественный резонанс в сети Интернет

и популярных социальных сетях. Этот пример прекрасно доказывает, что жизнь слов, называющих реалии советской эпохи, продолжается в настоящее время. Продолжаются и динамические лексико-семантические процессы внутри класса советизмов.

Отметим, что советские номинации были образованы в соответствии с деривационными особенностями русского языка. Это во многом предопределило дальнейшую судьбу слов, имеющих аналогичную словообразовательную модель. Так, обозначения лиц женского пола по профессии или роду деятельности с суффиксом *-ниц*- (*учительница, писательница, колхозница* и т.д.) не являются общепринятыми в современном языке и имеют сниженную стилистическую окраску, а в советское время эти слова обладали положительной идеологически мотивированной коннотацией.

Последовательное рассмотрение семантики и прагматики исследуемых единиц от начала их существования в эпоху СССР до настоящего времени позволило всесторонне осветить изменения, затронувшие идеологически мотивированные компоненты значения. В процитированном выше диалоге в продуктивном магазине мы наблюдаем отражение процесса кардинальных изменений в лексико-семантической структуре советизмов, вызванного сменой политического вектора страны. Процесс вторичной идеологизации с последующей иронизацией является результатом перестановки идеолого-оценочных компонентов значения, находящихся не только в области периферии. Утрата советских сем затрагивает и центральную часть семантики, которая наполняется новым содержанием. Уже сейчас можно с достаточной уверенностью утверждать, что через несколько десятилетий в языковой картине мира россиян не останется «следов» прежнего значения. Возможно, чтобы выяснить истинное значение слов *колхоз, колхозник* или *колхозница*, человек будущего, говорящий на русском языке, вынужден будет обратиться к словарю архаизмов, подобно тому, как сегодняшний школьник обращается к историческому комментарию, читая пушкинского «Евгения Онегина». Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении современных динамических процессов в области семантики и прагматики советизмов, а также в продолжении работы по отбору и фиксации случаев употребления советских номинаций в наше время.

Источники | References

1. Абсурдопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://absurdopedia.net> (дата обращения: 30.05.2005).
2. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова; Рос. акад. наук, Ин-т лингвистич. исслед. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
3. Бондалетов В. Д. Социальная лингвистика: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». М.: Просвещение, 1987. 160 с.
4. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Лингвистическая советология: учебно-методическое пособие / под общ. ред. Э. В. Будаева. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2009. 291 с.
5. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2003. 304 с.
6. Дуличенко А. Д. Русский язык конца XX столетия. Мюнхен: Verlag Otto Sagner, 1994. 347 с.
7. Ермакова О. П. Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / отв. ред. Е. А. Земская. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 32-66.
8. Загоровская О. В. Русский язык на рубеже XX-XXI веков: исследования по социолингвистике и лингвокультурологии. Воронеж: Научная книга, 2013. 232 с.
9. Земская Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 23-31.
10. Купина Н. А. Советские идеологические традиции сегодня // Советское прошлое и культура настоящего: монография: в 2-х т. / отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова. Екатеринбург: Изд-во Уральского федерального университета им. Б. И. Ельцина, 2009. Т. 2. С. 186-208.
11. Лопатин В. В., Улуханов И. С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Азбуковник, 2016. 812 с.
12. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения: 30.05.2005).
13. Ну и кто тут из нас колхозница? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Aq9tWuBrsTk> (дата обращения: 30.05.2005).
14. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой; АН СССР, Институт русского языка. Изд-е 3-е, стереотип. М.: Русский язык, 1985-1988. Т. 2. 736 с.
15. Словарь современного русского литературного языка / гл. ред. В. И. Чернышев; в 17-ти т. М. - Л.: АН СССР, 1956. Т. 5. 1917 с.
16. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Складневской. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 702 с.
17. Толковый словарь языка Совдепии / под ред. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 704 с.
18. Шипицына Г. М. О развитии словарного состава русского языка // Русская речь. 2009. № 2. С. 44-48.
19. Шипицына Г. М., Мамонова Ю. О. Общий взгляд на лексику русского языка советского периода // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2016. № 14 (235). Вып. 30. С. 21-29.

20. Corten I. H. Vocabulary of Soviet Society and Culture: A Selected Guide to Russian Words, Idioms, and Expressions of the Post-Stalin Era, 1953-1991. Durham, NC - L.: Duke University Press, 1992. 176 p.
21. Kobb M. Change in the Russian Language in the Post-Soviet Period // Dialog on Language Instruction. 2002. Vol. 15. № 1-2. P. 19-25.

Информация об авторах | Author information

RU**Мамонова Юлия Олеговна¹**, к. филол. н.¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет**EN****Mamonova Iuliya Olegovna¹**, PhD¹ Belgorod National Research University¹ mamonova@bsu.edu.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 29.04.2021; опубликовано (published): 30.06.2021.

Ключевые слова (keywords): семантика; прагматика; лексико-семантическая структура слова; советизмы; вторичная идеологизация; semantics; pragmatics; lexico-semantic structure of word; Sovietisms; secondary ideologization.